

О Студии Станиславского, женитьбе на дочери Чапаева, актере Евгении Леонове и назначении директором Театра на Таганке

<http://oralhistory.ru/talks/orh-2003>

6 июня 2016

Собеседник

Дупак Николай Лукьянович

Ведущий

Сейбиль Наталья Владимировна

Дата записи

Беседа записана 6 июня 2016 и опубликована 17 апреля 2019.

Введение

Третья беседа с актером Николаем Дупаком посвящена Московскому драматическому театру имени Станиславского. Николай Лукьянович вспоминает спектакли и актеров, рассказывает об условиях существования театра в подвале и переезде в здание кинотеатра «Арс» на улице Горького. Когда на это помещение стал претендовать Лев Мехлис, Дупак обратился за помощью к Климу Ворошилову. Будучи секретарем партийной организации театра, актер решал множество организационных и общественных проблем. Этот опыт взаимодействия с чиновниками сделал его основным претендентом на должность директора театра после гибели предыдущего директора Василия Гвелесиани. Когда Николай Лукьянович согласился возглавить Театр Станиславского, в горькоме партии ему посоветовали другой театр. Так Дупак стал директором Театра драмы и комедии — будущего Театра на Таганке.

Актеры Драматического театра имени Станиславского

Наталья Владимировна Сейбиль: 6 июня 2016 года. Третья беседа с Николаем Лукьяновичем Дупаком. Мы с вами остановились на том, что вам Довженко порекомендовал идти в театр, и вы попали в Театр Станиславского.

Николай Лукьянович Дупак: Нет, я пошел во МХАТ. Когда я пришел, Орлов был ректором театрального училища имени Немировича-Данченко при МХАТе, и он меня спрашивает... Я сказал, что я учился в Ростове-на-Дону.

Н. С.: У Завадского.

Н. Д.: У Юрия Александровича Завадского. Что так случилось, что я вот... «А что показывали на втором курсе у вас?» Я говорю: «Я не полностью второй курс закончил. Я уже с апреля месяца стал сниматься в Киеве. [Показывали на втором курсе] Кнута Гамсуна, „У врат царства“». — «О, замечательно! Я переговорю с Еланской, и она подыграет вам». Ну, я вспоминаю, что эту роль блестяще играл Василий Иванович Качалов, и я буду играть с партнершей Качалова. Мхатовская артистка, народная, а я сопля такая, еще не оформившаяся.

Ну, мы прорепетировали, а вечером моя партнерша по фильму «Украина в огне», Лизочка Мирскова... Она была студенткой Оперно-драматической студии Станиславского. Сам Константин Сергеевич Станиславский... Есть такие актеры у каждого педагога или, я не знаю, режиссера. Она была очень обаятельная. Блестяще репетировали мы с ней сцену, когда я раненый с трудом добрался до дороги, и все проходят, и вот она где-то меня увидела и к себе... В общем, замечательная была сцена. Говорит: «А ты не хочешь пойти сегодня на спектакль в Зеркальный театр?» Вот на Каретном...

Н. С.: Театр в «Эрмитаже».

Н. Д.: «Эрмитаж», да, вот туда. Ну, холодно, уже октябрь месяц, первые числа октября. А театр летний. Ну, я, конечно, хочу. Я пришел на этот спектакль. Правда, зал был не битком набитый, но приблизительно пятьсот-шестьсот человек в зрительном зале было, и очень хорошо воспринимали этот спектакль. Замечательно там играл Борис Леопольдович Левинсон, Рубцова, Мальковский. Лизочка Мирскова играла служанку там. В общем, был удивительный спектакль, музыкальный спектакль, легкий спектакль, комедия-спектакль, смешной спектакль, музыка Дунаевского. Вообще такое удивительное после... Пожалуй, я тогда впервые увидел спектакль, что где-то, оказывается, и вот такой Станиславский. Ученики...

Н. С.: А это постановка Станиславского была?

Н. Д.: Нет, постановка была Кедрова Михаила Николаевича. Вот Левинсон, Мальковский играл, Рубцова... Кстати, она играла служанку. Гриценко Лиля — удивительно интересный голос. И танцы ставил Бурмейстер, балетмейстер Театра Станиславского и Немировича-Данченко¹. Если бы они сейчас этот спектакль сыграли... Кстати говоря, этот спектакль мы играли более тысячи раз. Я потом уже играл там и Фернандо.

¹ Московский музыкальный театр им. К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко

Н. С.: А это какой год? Это еще война же, да?

Н. Д.: Война это, война. Это 44-й год. Потом они переехали уже в клуб на Красной Пресне. Клуб ткацкой фабрики там был замечательный.

Н. С.: Трехгорка там.

Н. Д.: Да-да-да. Там замечательные мы играли спектакли и с большим успехом. Потом был спектакль «Фархад и Ширин» Самеда Вургуня с удивительной музыкой... Ой, как же... Мне надо программку. Ставил спектакль Кедров Михаил Николаевич. Пятницкая играла Ширин, а Фромгольд... Коля, ты вспомнил Фромгольда фамилию. Замечательный студент. Он ученик. Он так здорово играл Соленого в «Трех сестрах», удивительно так. А он играл этого самого...

Галикс Колчицкий, замечательный. Потом мы дружили с ним очень. Его отец был настоятелем Елоховского собора, и он в те времена, во время войны, был как бы министром иностранных дел Русской православной церкви. Он осуществлял контакты, связи. Они жили в Черкизово в одноэтажном домике. Гарик жил отдельно, а он с матушкой жил, и его сестра... Лиза, кажется. Я с моей женой был в гостях у него. А тогда был период, когда я был женат на Вере Васильевне.

Н. С.: А фамилия у нее Чапаева была.

Н. Д.: Чапаева, да. Чапаева, а я Дупак. Я, кажется, рассказывал же, да? Вам не рассказывал я, как они спорили? Она ведь все-таки у меня Ленинградский литературный институт закончила, Вера Васильевна. И они спорили о мироздании, о боге, о религии. Это было очень симпатично. Она-то немножко таким очень современным... А он не сердился, все-таки старался ее переубедить. Что такое духовность, что такое человеческие контакты, почему мы входим и выходим к пастве, к народу. Это элементы и настроения, и духовности, и понятие, что такое религия, что такое мир, но самое главное — что такое взаимоотношения людей: друзья, народы... Вот на эту тему был очень...

Н. С.: А ничего, что вы были членом партии? Это никак на вашей партийной карьере?..

Н. Д.: Вы знаете, это глупость какая-то. Я и член партии. Не боялся перекреститься, не боялся сводить театр, будучи на гастролях в Риге... Кажется, я рассказывал же вам, да? Или нет?

Н. С.: Нет еще.

Н. Д.: Ну, были мы на гастролях в Риге, и я пошел...

Н. С.: Это уже с Театром на Таганке?

Н. Д.: Нет. Театр Станиславского. Мы были без Кедрова. Старики-мхатовцы настояли на том, что после ухода из жизни

Константина Сергеевича Станиславского и ухода Хмелёва... Хмелёв же был главным режиссером МХАТа какой-то период. Они настояли, чтобы Михаил Николаевич Кедров явился и продолжал быть главным режиссером МХАТа, и он поставил много очень интересных спектаклей. Господи, не могу вспомнить. Замечательный спектакль, удивительный спектакль. Прудкин играл там. Я вспоминаю, мы очень... Это Восток, где-то то ли в Азербайджане... Я сейчас не могу вспомнить.

Было решение о том, что он [Кедров] должен вернуться. Узнали мы об этом очень четко, уезжая на гастроли, потому что была идея, что он с нами откроет гастроли. Но он уже не поехал с нами на гастроли, и мы были предоставлены самим себе. Вот мои друзья-фронтовики, тот же Елагин, Глебов, которые воевали, которые в свое время приняты были Константином Сергеевичем Станиславским, потому что студией руководил Константин Сергеевич Станиславский. Оперно-драматическая студия.

Н. С.: А в каком году Станиславский умер?

Н. Д.: Я могу ошибиться, кажется, в 36-м или в 37-м². Вот в эти годы.

² К. С. Станиславский умер 7 августа 1938 года.

Н. С.: Тогда я запуталась. То есть вас не принимал Станиславский.

Н. Д.: Нет. Меня принимал...

Н. С.: Кедров.

Н. Д.: Кедров Михаил Николаевич принимал, Андровская принимала, Топорков принимал, Равенских принимал. Молодые режиссеры были в комиссии, ну, художественный совет. Туда входил и Голованов, потому что это была оперно-драматическая студия, там же они играли и оперные спектакли. Там и «Сорочинская ярмарка», еще какие-то. Эта была учебная, очень интересная... Но почему-то они были в подвале. Спасоглинищевский переулок, кажется. Там были двухэтажные дома, которые были построены Театральным обществом, но в основном жили артисты Большого театра, Малого театра. Мы все время Барсову видели там, великих женщин-артисток и актеров, знаменитых певцов.

Семья Чапаева

Н. С.: Когда вы женились на Вере Васильевне, вы где жили?

Н. Д.: До того, как мы повстречались... Вот какой-то женитьбы, какой-то свадьбы, к великому сожалению, не было, потому что это как-то органично... Я вам рассказывал, как это случилось, или не рассказывал?

Н. С.: Вы только начали рассказывать про то, что брат...

Н. Д.: Я жил, после того как меня выселили из гостиницы «Москва»... Но, кстати говоря, в штате студии «Мосфильм» я оставался. Там довольно приличный заработок — тысяча двести рублей, кажется. У меня есть где-то справка, что я артист студии «Мосфильм».

Совершенно случайно я встретил на Столешниковом переулке... Там я что-то покупал. Тогда там недалеко был Театр Станиславского, и был юбилей Лили Гриценко, и там цветочный магазин. Я там три розочки или что-то купил. И вдруг встречаю Евгения Леонидовича. «Ты чего? Ты где?» — «Да я, — говорю, — вот...» Он мне говорит: «Я сейчас встречаюсь с Александром Васильевичем Чапаевым».

Н. С.: А Евгений Леонидович — это ваш врач?

Н. Д.: Евгений Леонидович — это мой командир полка.

Н. С.: Понятно.

Н. Д.: А Аронов Ефим Ильич — это мой спаситель-врач. Евгений Леонидович [говорит]: «Вот я сейчас его жду». И вдруг он подходит. «Познакомься, это мой боевой офицер, мой бывший и адъютант, и начальник разведки, он командовал в 210-м полку. А это Александр Васильевич Чапаев». Он говорит: «Пошли к моей маме». Они жили на Столешниковом переулке, угловой дом, на четвертом этаже. Ну, пошли к маме.

Н. С.: А это жена была Чапаева, а дети были не чапаевские?

Н. Д.: Ну, не все дети. Там на этот счет есть какая-то то ли ревность, то ли... Я не могу понять. Вот есть некоторая, как говорится, маленькая какая-то... Они дружили. Все вместе дружили. Ну, знаете, как это случилось?

Н. С.: Я знаю, что она была женой какого-то его сослуживца и друга, и друг погиб...

Н. Д.: Да-да, это на Карпатах. Они оба были георгиевские кавалеры. Умирая... Но это как им рассказывал Фурманов, и видел он это все, и супруга Фурманова... Очень дружили, и эта дружба продолжалась... Ну, мы несколько раз... И она приезжала с гостинцами к маме, к Пелагее Ефимовне. И потом Хлебников приезжал, который был начальником артиллерии у Чапаева, здесь командовал тоже одним из корпусов артиллерийских. Так я к ним много, но я приблизительно за те годы... Я же довольно прилично с ними... Вот выделили потом участки офицерам...

Н. С.: Но это уже после.

Н. Д.: Инвалидам. Мы вместе строили. И переехали на станцию Лобня по Савёловской дороге. Приличная дача. Десять тысяч, нам не хватило десять тысяч для того, чтобы... Сделали восемьдесят четыре квадратных метра дом, веранда двадцать метров, гараж, мастерские. Хороший сад был. Есть где-то даже фотографии. Ну и вот там впервые тогда я записался на машину «Москвич».

Н. С.: Это вы еще в Театре Станиславского.

Н. Д.: Да, это все при Театре Станиславского.

Н. С.: То есть когда с Верой Васильевной вы стали жить вместе, вы жили с ее мамой, да?

Н. Д.: Да.

Н. С.: В Столешниковом.

Н. Д.: Да. Был и на даче период. По этой дороге на даче Климент Ефремович Ворошилов жил. И никто его никогда не сопровождал. Я иногда еду, обгоняю, а потом вроде бы неудобно, так сказать, и я за ним ехал несколько раз.

Н. С.: А он тоже сам за рулем ехал?

Н. Д.: Нет.

Н. С.: Он с водителем.

Помощь Клима Ворошилова Театру Станиславского

Н. Д.: Они втроем. Я вам потом расскажу, как все-таки он помог Театру Станиславского остаться на улице Горького. Я рассказывал этот период?

Н. С.: Нет-нет-нет. Вы все время говорите, что театр был в подвале и потом переехали...

Н. Д.: На Сретенку переехали. Приехали в театр, где работал Юрий Александрович Завадский, а до Завадского там была студия Вахтангова. Это подвальное помещение, немножко подтекало. Мы очень дружно жили, удивительно дружно жили, устраивали капустники, устраивали вечера, устраивали дни рождения. И вот Женя Весник... Мы пели песню такую:

Славься, ты славься, наш темный подвал!

Такого подвала никто не видал,

Чтобы светоч искусства его озарял!

Навечно тебе Моссовет его дал!

Вот такое, значит, и вдруг... Я уже был секретарем комсомольской организации театра. И вдруг нас в райком вызывают: «Что такое? Подвал, навечно?.. Что вы так...» Короче говоря, хотели пришить аполитичность нам.

Н. С.: Это еще во время войны все?

Н. Д.: Нет, это уже после войны.

Н. С.: А как театр из этого подвала переехал на улицу Горького?

Н. Д.: Переехал на улицу Горького таким образом. В Театр Вахтангова бомба попала, театр разрушили. И буквально 43-й, 44-й, 45-й, 46-й год реконструировали и ремонтировали Театр Вахтангова. На тот период, с 44-го года по...

Н. С.: Ну, по 46-й.

Н. Д.: Вот по 46-й год они занимали Театр юного зрителя. А Театр юного зрителя играл на улице Горького в кинотеатре. В основном там кино шло. И когда это все хозяйство они выстроили... Не знаю, но я приписываю себе авторство. Я узнал. А мы в подвале на Сретенке были. Это замечательное помещение. И я стал стучаться, говорить, что нам нужно переехать из подвала, переехать на улицу Горького, что тут капает и так далее, и так далее, и так далее, и так далее. Наконец послушали и дали нам этот театр. И только нам дали этот театр, вдруг говорят: «Нет-нет, возвращайтесь назад». — «Как возвращаться?» — «Сейчас здесь будет Клуб народного контроля». Мехлис такой был...

Здание Московского драматического театра им. К. С. Станиславского. Москва, начало 1950-х гг. Источник фото: electrotheatre.ru

Н. С.: Был, да. Мехлис был главным редактором газеты «Правда».

Н. Д.: Ну, наверно. А он тогда занимался идеологией в основном, в идеологической это... Мы все в очень расстроенных чувствах были. Кто может решить оставить нам этот театр? Тогда в основном решали... Ну, может быть, Ворошилов. Он же председатель Верховного Совета в этот период был. Ну и, конечно, Сталин. Больше, так сказать, где-то... Потому что Мехлис — это очень значимая фигура, конечно, он всех чиновников... А я уже знал, что мама Животовой работала помощником у Ворошилова.

Н. С.: А Животова — это актриса?

Н. Д.: Животова — это актриса, очень хорошая. Наденька. У нее замечательный муж Коля Сидоркин, которого я видел в первом спектакле «День чудесных обманов». Он брат Сидоркина-старшего, который был в Театре Моссовета. Когда Завадский вернулся из Ростова, он был главным режиссером в Театре Моссовета.

Надежда Животова. Источник фото: electrotheatre.ru

Н. С.: Я знаю. До 80-х годов, по-моему, был Завадский. Он лет сорок был, по-моему, главным режиссером.

Н. Д.: Да. Моссовета — да. Ну и вся команда переехала туда: и Марецкая, и Мордвинов, и Плятт, в общем, все-все. Вы чего?

Н. С.: Вы рассказывали о том, что вы узнали, что мама работала помощницей...

Н. Д.: Да, да, да. Мы созвонились. Я попросил, не могла ли она просить, чтобы Климент Ефремович Ворошилов нас принял, учеников Константина Сергеевича Станиславского, или в крайнем случае вот [меня]... Я представлял из себя фронтовика, я представлял боевого товарища. Секретарь партийной организации.

Н. С.: Партийной или комсомольской организации? Потому что вы говорили, что вы...

Н. Д.: Комсомольской, а потом я уже и в партийной был. И партийной организации, и комсомольской организации. Мы такие были боевые ребята, что власть в театре была в руках фронтовиков.

Н. С.: А директор театра тогда был...

Н. Д.: Гвелесиани. У нас были отношения с Гвелесиани Василием Иосифовичем нормальные. А до этого у нас была директриса, дама, но она была месяца три всего-навсего. Как-то мы ей не очень понравились, а она — нам не очень. И был такой период, что нам прислали Василия Иосифовича Гвелесиани. Мы не знали, кто он, что он, а потом только уже узнали, что он, оказывается... Но он никогда не... Он жил на Арбате. В Театре Моссовета он был артистом. Жена его Елена Александровна была тоже актрисой, но играла мало. И была у них собака, овчарка большая. И комната в трехкомнатной квартире была у них.

Н. С.: А я никогда не слышала этого имени.

Н. Д.: Гвелесиани?

Н. С.: Гвелесиани, да.

Н. Д.: Нет, вы найдите вот там мои приказы, благодарности. Нет, он очень для нас... Он же отношение к Грузии имел. Мы были на гастролях в Грузии. И я вам, кажется, рассказывал, когда после Хрущева, когда развенчали по дурости — подчеркиваю — по дурости развенчали Иосифа Виссарионовича Сталина, мы были на гастролях в Грузии. Нам не поощрялось где-то роль Сталина, ну, не то что утверждать, а говорить. И вот секретарь горкома Грузии сказал, что он предлагает тост за Иосифа Виссарионовича Сталина. Я почему-то по дурости влез с таким предложением: «Я хотел бы тост предложить за Владимира Ильича Ленина, который вместе со Сталиным... Вот революция произошла и так далее...» То есть мне удалось как бы отвести. Он рассчитывал, что я выпью только за Сталина, а я снял немножко напряжение, потому что все ждали, выпью ли я. Потому что тогда как-то было очень глупо: где-то замалчивалось, где-то не говорилось. Хотя на моей шкуре и на моей жизни он сыграл очень много для семьи, для...

Н. С.: Особенно когда раскулачивал.

Н. Д.: Да. Так я как раз говорю, что очень много. Но я тогда понимал, что, конечно, по-другому, наверное, не могли.

Н. С.: Конечно. За счет чего бы жили, если бы не поуничтожали? За счет чего бы колхозы строили, если бы крепких крестьян не поуничтожали? Вы начали рассказывать про...

Н. Д.: Я помню нэп. Ну, нэп не помню так, что как я... А я помню, как Россия, извините... Вот как стали открывать магазины, богатеть... Некоторые считали, что мы снова возвращаемся к частной собственности, и были такие какие-то...

Н. С.: Николай Лукьянович, вы так и не рассказали, удалось вам получить аудиенцию у Ворошилова?

Н. Д.: Ворошилова. Значит, я звоню, говорю...

Н. С.: Маме актрисы.

Н. Д.: Ну, Елена Васильевна, кажется, мать [Надежды Животовой]. «Вам звонила?» — я говорю. — «Да». — «Вот у нас колоссальная просьба: решается судьба Театра Станиславского. Последняя студия Константина Сергеевича Станиславского. И нам дали [помещение], а сейчас Мехлис и народный контроль хотят сделать там свой клуб, а мы будем тогда продолжать жизнь в подвале в очень стесненных условиях». Он говорит: «Я завтра буду ехать на работу. Я проезжаю по улице Горького, в районе десяти часов я буду в вашем театре». — «Спасибо», — я сказал. И к десяти часам приезжает машина. За рулем сидит водитель, рядом с ним сидит порученец в военной форме, а сзади один сидит Климент Ефремович Ворошилов. Этот очень быстро выскочил, открыл дверь. А мы уже стоим: Яншин, Гвелесиани. Ну, поздоровались. «Мы куда пойдем — здесь будем или в кабинете? Кабинет есть у вас?» — «Есть». — «Пошли в кабинет». Пошли в кабинет, значит, Яншин, Гвелесиани, председатель месткома Аркашка Кругляк, секретарь партийной организации Дупак и секретарь комсомольской организации Женя Леонов. Вот так мы вошли, вот это руководство, и стали рассказывать ему.

Н. С.: А Леонов был таким активным комсомольцем?

Н. Д.: А почему он не мог?

Н. С.: Как-то с его образом это не сильно вяжется.

Сцена из спектакля «Дни Турбиных». Татьяна Семичёва в роли Елены, Евгений Леонов в роли Лариосика.

Н. Д.: Да ладно. Очень, очень... Ну, первая роль, которая... «Две судьбы» — я там был режиссером, и он играл казаха... Мы очень дружили, долго дружили. Он активный, и отец его активный, и старший брат активный, и жена. Жена красавица была у Жени Леонова.

Климент Ефремович сказал: «Я о вашей просьбе доложу Иосифу Виссарионовичу. Я вам отзвонюсь». Буквально часа через четыре вдруг звонок. Я попросил, чтобы дежурили, потому что должен звонить Ворошилов. Говорит: «Это руководство театра? Сейчас будет Климент Ефремович с вами разговаривать. У вас секретарь там... Потому что он сказал, чтобы секретарю сообщили». Я подошел. Он сказал: «Я все доложил. Иосиф Виссарионович поддержал вашу идею, оставайтесь на улице Горького, оставайтесь. Счастья вам, добра. Помните о Константине Сергеевиче Станиславском». Вот так.

Евгений Леонов

Н. С.: Николай Лукьянович, а расскажите еще о Леонове. У меня просто любимый артист.

Н. Д.: Ну, Женя Леонов — это судьба. Как бы сложилась судьба Евгения Павловича Леонова, если бы он не сыграл... Он до этого несколько ролей сыграл: в спектакле «На улице счастливой»... Ну, во многих, но ничего такого. «Дни Турбиных» когда мы репетировали, я играл Николку, если вы помните...

Н. С.: Помню, конечно. А он Лариосика играл?

Н. Д.: А он Лариосика играл. Вот там хорошо написано: «Он играет на гитаре, а ты наигрываешь, как артист». Было такое, но это не с ним. Ну и вот он, Михаил Михайлович, все, что у него было и что его любовь... Он же стал тоже Яншиным в основном после «Дни Турбиных». «Дни Турбиных» — правда это, не правда, но я верю, — тринадцать раз Сталин смотрел этот спектакль.

Н. С.: Но он смотрел же во МХАТе.

Н. Д.: Во МХАТе.

Н. С.: Во МХАТе. А вы ставили уже в Театре Станиславского.

Сцена из спектакля «Дни Турбиных». Второй слева – Евгений Леонов в роли Лариосика. Москва, 1954. Источник фото: Архив Электротeatра Станиславский

Н. Д.: Мы в Станиславского, но этот спектакль сыграл точно так, как и Грибоедов, и «Три сестры»... В общем, спектакли, которые были в репертуаре Театра Станиславского, были значимыми, хотя современными, очень современными. Вот спектакль «Фархад и Ширин» — это очень современный, это Самед Вургун, композитор Глиэр. Коля, ты вспомнил Глиэра! Никогда не мог вспомнить, кто же композитор. Самед Вургун очень, вот Глиэр, Яншин. Я вспомнил, там на мечях мы... Темнота была, настоящие мечи. Я ворвался, и вдруг так — швах! И дыра в заднике. Представляете? Отсюда до потолка. Все остановилось обалделые. Подхожу я к концу сцены, говорю: «Михаил Николаевич, извините. Я виноват». Потому что я там как раз... Но она так — пвить (*изображает звук, рвущейся ткани!*) И дырка.

Н. С.: Лопнул задник.

Н. Д.: Да.

Н. С.: Вы начали о Леонове рассказывать и сбились на том, что он играл Лариосика. А дальше уже про Сталина.

Н. Д.: Нет, ну он много спектаклей, вот Лариосика... Вот запишите и найдите на телевидении. На Шуховской, когда еще телевидение там было, мы записывали спектакль «На улице счастливой» Юзефа Принцева. Постановка Михаила Михайловича Яншина, так же как и постановка «Юность вождя». Найдите, там очень хороший спектакль и очень хорошая команда. Вот есть несколько фотографий.

Н. С.: А Леонов там тоже играл?

Н. Д.: Играл, да. Он играл этого самого... Не могу вспомнить. Ну, есть программка.

Н. С.: Бог с ним. А Леонов...

Н. Д.: Кстати говоря, совершенно случайно я вдруг нашел бумагу, которую выпустил наш бухгалтер, когда у нас денег совершенно не было в театре. Он выпустил почтовую бумагу (тогда это был дефицит) с фотографиями Театра Станиславского, такой сборник. У меня осталось, наверно, пятнадцать-двадцать фотографий.

Н. С.: А Евгений Павлович был из актерской семьи?

Н. Д.: Нет.

Н. С.: Нет? Вы же говорите, что брат³ старший...

³ Сейбиль путает с братьями Сидоркиными.

Н. Д.: Ну, брат старший... Отец у него был технарь. Семья была очень дружная, особенно, когда он женился...

Н. С.: А жена — актриса у него?

Н. Д.: Ну, она как-то все... Не получилось. Я где-то в каком-то спектакле хотел вот занять... Это спектакль, когда мы уже организовали студию.

Помощь Сергею Михалкову

Вместе с Сашей Ароновым, с Елагиным организовали студию молодежную и поставили спектакль «Винтовка 492116». И там сыграли впервые наши студенты. Вот я никак не выложу всех, которые... Паша Хомский, который стал главным режиссером Моссовета. Значит, Никита Михалков там...

Н. С.: Он тоже у вас в студии учился?

Н. Д.: Да. Это Сережа... Ну, Сергей Владимирович Михалков говорит: «Николай Лукьянович!» Почему-то он по имени-отчеству: то ли фронтовики мы, то ли вот как-то он... Пете Глебову они, кажется, родственники. «Николай Лукьянович, что мне делать с моим балбесом?» — «А что такое?» — «Он в восьмом классе. Хулиган страшный. Учиться не хочет». В общем, я говорю: «Ну давайте... Вот тут мы студию организовываем. Саша Аронов, Елагин и я, Николай Дупак, мы ставим спектакли». — «Давай». И мы организовали. И он стал... Он вспоминает иногда, даже к шестидесятилетию написал: «Моему учителю Николаю Лукьяновичу Дупаку». А потом, конечно, все это забыл. Некогда. Все. Так что я в свое время очень доброе дело для Сергея Владимировича Михалкова...

Н. С.: А что?

Н. Д.: Я могу рассказать, а могу не рассказывать.

Н. С.: Расскажите, Николай Лукьянович.

Н. Д.: Потому что я никак не могу вспомнить фамилию соавтора. «Наташу Москвину» он написал со своим другом-соавтором. Господи, сколько раз я себе говорил...

Н. С.: Написал что?

Н. Д.: Пьесу «Наташа Москвина». Это 44-й год.

Н. С.: Понятно. Я просто никогда не знала про эту пьесу, никогда не видела.

Н. Д.: Вот там, мне кажется, в этих бумагах для почты есть «Наташа Москвина». Тина Гурко блестяще играла героиню, мы все тоже хорошо репетировали. На фронт приезжает бригада, и я играл артиста, который приехал обслуживать фронтовиков. Но так случилось, каким-то образом его соавтор... Правда, мне не хочется рассказывать, потому что я себе все время говорю: «Надо точно узнать фамилию». Я спросил Никиту — он не знает. Короче говоря, запретили играть спектакль этот, потому что нехороший человек соавтор.

Н. С.: То есть соавтора репрессировали?

Н. Д.: Да. Как я уже вам сказал, я фронтовик, секретарь партийной организации театра, член бюро райкома, уже чирикал чего-то такое. Особенно если мужиков обсуждали то ли за пьянство, то ли что жене изменил, я всегда заступался, говорю: «Ребята, ну чего вы в такие дела лезете? Что вам так уж свербит все такое?» Несколько человек отстоял. Это вот так я вспоминаю.

Что делать? Мудро это или не мудро? Я говорю: «Сережа, ты хорошо знаешь жену, его. Что, он действительно нехороший человек?» — «Да не, нормальный, но где-то чего-то высказался, где-то чего-то там это самое...» — «Ты можешь один сделать одну операцию? Или я могу поехать с тобой». Мы едем к семье. Господи, я себя ненавижу, сколько раз я рассказываю и не могу вспомнить фамилию. Коноплев? Нет, не Коноплев? «В общем, ты можешь жене сказать, что мы снимем фамилию вашего мужа с афиши, но гонорар за спектакли я полностью отдаю вам. Не пятьдесят на пятьдесят процентов, а полностью». Она согласилась. И вышла пьеса, спектакль вышел — автор один Михалков. Эту «Наташу Москвину» мы довольно много играли. Главного героя там Тина Гурко играла. Боровикова, Карп. Господи, Карп Люсенюку вспомнил.

Н. С.: Ничего про этот спектакль нет.

Н. Д.: Этот спектакль «Наташа Москвина» мы долго играли. Тот же «Фархад и Ширин». Это все начинали в войну, а закончили уже — в мире играли, гастролировали с этим спектаклем.

Назначение директором театра

Н. С.: Николай Лукьянович, а как вы из артистов переквалифицировались в управдомы, в директора театра? Как так получилось, что вы стали директором?

Н. Д.: Вы знаете, очень трудно... Как я стал директором? Секретарь партийной организации театра решает все вопросы вместе

с коллективом, вместе с руководством театра. У нас какие-то проблемы — идем в райком, идем в горком, идем в Моссовет. Как-то случилось так, что вроде бы решения вопросов, которые идут без меня, плохо решаются. Это не в порядке хвастовства. А когда приходил фронтовик, да еще с орденом Боевого Красного Знамени, да еще артист, да еще кто-то, может, уже даже посмотрел его в спектакле каком-то, то там уже немножко по-другому... Все вопросы: репертуарные, бытовые, житейские, гастрольные, кто напился, кто разлюбился, кто поругался, кого чего-то наказали, кто в милицию попал, — все это решал, все меня пихали туда.

Н. С.: А директором театра вам предложили сразу идти на Таганку? Да?

Н. Д.: Нет. Никто мне ничего не предлагал. Я отказывался, потому что ни к чему. Я в репертуаре занял... Там, кажется, шесть спектаклей, а я был в четырех занят.

Н. С.: Это уже на Таганке или еще в Станиславского?

Н. Д.: Нет. Станиславского. Я уже в это время снимался в трех фильмах.

Н. С.: А в каких?

Н. Д.: «Сорок первый», «Без вести пропавший» и еще какой-то. Вот как раз этот период⁴, когда я...

⁴ Это фильмы 1956 года.

Николай Дупак в фильме «Сорок первый». 1956

Н. С.: Это 63-й — 64-й год?

Н. Д.: Нет, раньше. Я начал сниматься раньше еще.

Н. С.: Нет, я говорю про Театр на Таганке уже.

Н. Д.: А, нет, я стал сниматься в Театре Станиславского, будучи артистом, будучи секретарем партийной организации, будучи человеком, который уходил в лучший мир. Получилось у меня так, что, когда я был ранен, я шесть часов пролежал 10 марта на снегу.

Н. С.: Николай Лукьянович, все-таки давайте вернемся к Театру на Таганке. Вы работаете в Театре Станиславского, заняты в спектаклях.

Н. Д.: Живу я на Кутузовском проспекте. Живу я с Верой Васильевной, Пелагеей Ефимовной.

Н. С.: А вы получили новую квартиру, да?

Н. Д.: В трехкомнатной... Этот дом забрали под ремонт и забрали под какую-то организацию — дом на Столешниковом переулке. Нам дали квартиру напротив гостиницы «Украина». Это шикарный дом, самый современный, где мусоропровод уже был и прочее.

Н. С.: Там Инна Владимировна Макарова живет.

Н. Д.: И Макарова жила, и этот самый...

Н. С.: Она до сих пор там живет.

Н. Д.: Аветик Исаакян. Да много очень. Кстати говоря, Миша там жил.

Н. С.: Миша какой?

Н. Д.: Кузнецов. И мой доктор Ефим Ильич Аронов там жил. В общем, много народу.

Н. С.: Да, дом роскошный. И что? Вы живете на Кутузовском, а работаете в Театре Станиславского.

Н. Д.: Да. Можно и пешком пройти. Недалеко, там около трех километров всего-навсего. Ну, был уже период... У меня уже машина была.

Ну и трагедия — я же вам рассказывал. Трагедия в Куйбышеве на гастролях с Василием Иосифовичем Гвелесиани. Трагедию рассказывал я вам?

Н. С.: Нет.

Н. Д.: У нас были очень хорошие отношения. Мы его не то что любили... Он был очень честный, порядочный, добрый человек. И вот на гастролях, где освистали Никиту Сергеевича. Мы гастролировали. На Театральной площади встреча с генеральным секретарем Коммунистической партии Никитой Сергеевичем. Сказали — в десять часов, но людей привели, естественно, в девять часов. А для перестраховки еще раньше привели. Оказывается, они два часа ждали. Лето, жарища...

” Когда Никита Сергеевич после того, что его почти два часа с лишним ждали, появился на трибуне, появились неприятные лозунги, некоторые засвистели.

Н. С.: Это какой год?

Н. Д.: Надо по репертуару посмотреть. Наверно, май 63-го, приблизительно, потому что трагедия с Василием Иосифовичем в Куйбышеве произошла.

Н. С.: А что за трагедия?

Н. Д.: Трагедия следующая. После окончания спектакля декорации опускались в подвал, вниз. Планшет разбирался, и декорации на лебедке опускали вниз, за арьерсцену, уже там дальше люк этот и дальше уже стена театра. И он был у себя, а потом какие-то спустили декорации, но кто-то что-то репетировал еще на авансцене, шли какие-то репетиции, и он тихонько решил пройти туда, оказалось, что планшет разорван, и он почти четыре метра летел в подвал.

Н. С.: И разбился насмерть.

Н. Д.: Да. К великому сожалению. Это была очень большая потеря для нас. Когда вот все уже, прошли похороны, как жить нам дальше? Кедров ушел через три года. Значит, Яншин уходит во МХАТ. Артисты-мхатовцы забастовали: «Ты что, Миша? Нас осталось восемь человек. Мы играем спектакль...»

Н. С.: А кто там оставался? Яншин, Андровская, Грибов, а еще кто?

Н. Д.: Станицын. В общем, сейчас мы можем... Иванов, нет, Иванова, кажется, уже не было.

Значит, кто будет директором? Когда они мне предложили, я сказал: «Категорически возражаю. Во-первых, „а“ я болен, у меня туберкулез. После того как я сыграю, мне приходится отдыхать. Ну и так далее, и так далее...» — «Но мы для тебя устроим санаторий, квартиру. Привозить тебя будут, увозить». В общем, уговаривали. Однажды пришли ночью и говорят, что им сообщили в управлении культуры, что если Дупак не согласится, то им назначают директором полковника, военного. Ребята говорят: «Ты представляешь, придет какой-то военный!» Потом я уже узнал, что это был Зозулин. Оказывается, Зозулин был директором Львовского театра [Прикарпатского] военного округа, или какого-то. Потом он оказался директором Театра драмы и комедии, Зозулин. Сын его в Вахтанговском театре работает. Но я не знал... Я знал, что это Зозулин. Я не интересовался. Они поинтересовались, что это солдат, солдафон, командир... И уйдут из театра та дружба, любовь и единство театра. То у нас не было никаких группировок, ничего...

Н. С.: В общем, в итоге вы согласились.

Н. Д.: Нет. «Хорошо. Ладно. Николай, поверь, будешь ты играть, будешь ты сниматься. Но мы хотим сохранить атмосферу театра. Приказ же придет». А перед этим взяли и назначили Львова-Анохина главным режиссером Театра Станиславского. И репетировали мы с ним «Палубу». Какой-то знаменитый драматург⁵. Называлась пьеса «Палуба», современная пьеса.

⁵ «Палуба» — пьеса Леонида Генриховича Зорина.

В «Палубе» мне досталась роль Коберидзе, такого грузина я играл... Когда еще раз я пропустил все это дело, что уходит атмосфера Станиславского, уходит атмосфера дружбы. Приходит человек, который никакого отношения к Станиславскому не имел. Приходит несколько актеров, уже тоже не очень Станиславского. Сатановский, Шворин — это еще молодежь-то... Но старики приходят. «Мы тебе будем помогать. Николай, что ты... Ты же фронтовик. Тебя просят Лёва, Аркашка, Петя, Галикс Колчицкий». Фронтовики собрались и стали меня уговаривать: «Мы будем помогать. Ты пользуешься авторитетом. Тебя власти... Ты член бюро райкома. Чего тебе еще нужно?» — «Ну ладно». Вызвали меня в горком. Вроде бы Дупак дал согласие быть директором Театра Станиславского. Заведующий отделом культуры горкома партии и секретарь горкома...

Н. С.: Ой, я не знаю, кто был секретарем горкома.

Н. Д.: В общем, очень хорошие ребята. Все нормально. Пригласили на переговоры, высказались, что они очень рады, счастливы, что я дал согласие, что двадцать лет в театре и авторитет... «Но вы знаете, мы подумали — и все-таки вам будет в Театре Станиславского очень трудно. Дружья все, вы давно всех знаете». Что тут очень трудно будет их иногда...

Н. С.: В строгости держать.

Н. Д.: Трогать ребят или ставить на это самое... Вы знаете, Женя Весник пьяный появился на спектакле. Он тоже фронтовик, кстати. Царство небесное Женечке. Потрясающий артист, писатель и человек, очень талантливый. Вообще у нас неталантливых людей не было. Ни в Театре Станиславского не было, ни в Театре на Таганке не было. В этих театрах были только талантливые люди. Только.

Значит, говорят: «Вы знаете, мы обсудили и хотели вам предложить другой театр. Вам будет трудно. Говорят, что у вас характер мягкий, что вы не умеете людей наказывать, что вы такой...» И вдруг... Я столько переживал... А я спрашиваю: «Скажите, а какой, на ваш взгляд, самый трудный театр в Москве?» Не «плохой», а «трудный театр» я сказал. Вот зачем обижать — «плохой», «хороший»? И они как-то на одном дыхании так: «Театр драмы и комедии». — «А что там? Из-за чего вот какие-то там?» — «Ну, одни одного хотят, другие... Молодежь жаждет, чтобы был главным режиссером молодой режиссер Петя Фоменко. Он поставил „Микрорайон“. Сурков, который завлит, тянет другого. Конфликтные ситуации с Плотниковым Александром Константиновичем. В общем, какая-то такая атмосфера беспокойная. Они очень хорошо заявили о себе. Спектакль „Народ бессмертен“ ко Дню Победы поставили. Потом Бирман ставила спектакль, еще кто-то». — «Давайте этот театр, давайте театр, давайте драмы и давайте комедии. Хорошо». Дал согласие. И 6 июня 63-го года... Я отсчет делаю, когда мы отмечали шестидесятилетие, первый юбилей мой в театре, где очень потрясающе, фантастически... Ну и дал согласие. И 2 сентября 63-го года я был представлен труппе актеров театра. Я сказал: «Директор я молодой, неопытный. Я немножко занимался режиссурой, поставил что-то такое, и вот я сделаю все возможное, чтобы создать хорошую атмосферу в коллективе и поднять немножко, хоть на одну ступенечку, Театр драмы и комедии. Желаю всем добра, счастья, благополучия. За работу, товарищи!»

Н. С.: Николай Лукьянович, давайте на этом сегодня остановимся.